

Бауаев Казим Каллетович

ГЕНЕЗИС ОБЩНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЛИТЕРАТУР: ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Статья представляет собой попытку определения степени однородности и единства северокавказского литературного региона на начальных этапах формирования советских национальных поэтических школ. По мнению автора, основные черты сходства поэтических представлений горских народов закладывались уже в советский период, так как общность этнических национальных традиций словесного творчества локализована на очень удаленных от нас временных и эволюционных горизонтах и проявляется в самых общих архетипических чертах. Исследователь приводит и анализирует примеры обогащения новационными универсалиями традиционных мотивов и символики и доказывает, что сам процесс их формирования обусловлен идеологическим давлением на эстетическое сознание народов региона и естественной реакцией последних на унификационное воздействие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 28-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, книги Ю. К. Олеси «Ни дня без строчки» и «Книга прощания» являются самыми противоречивыми и мало изученными. В них автор стремился научить ценить слово, отвечать за него. Это своеобразные литературные произведения, так как сам автор рассчитывал написать не просто дневник с фиксированием происходящих событий, но создать некий целостный текст, необычную художественную книгу, основанную на воспоминаниях и правдоподобных дневниковых записях.

Список литературы

1. **Антюхов А. В.** Русская мемуаристика XVIII – начала XIX веков: монография. М.: Прометей, 1999. 288 с.
2. **Богомолов Н. А.** Дневники в русской культуре начала XX века // Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 201-212.
3. **Бочаров А.** Законы дневникового жанра // Вопросы литературы. 1971. № 6. С. 64-69.
4. **Левицкий Л.** Где же предел субъективности? Обязанности свидетеля. Права художника // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 101-115.
5. **Олеша Ю. К.** Зависть. Ни дня без строчки. Рассказы. М.: Известия, 1989. 496 с.
6. **Олеша Ю. К.** Книга прощания. М.: Вагриус, 1999. 476 с.
7. **Оскотский В.** Дневник как правда // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 47-58.
8. **Рудзиевская С. В.** Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12-19.
9. **Симонова Т. Г.** Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. Гродно: ГрГУ, 2002. 119 с.
10. **Тартаковский А. Г.** Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. 288 с.
11. **Хазанов Б.** Дневник сочинителя // Октябрь. 1999. № 1. С. 176-188.

**GENRE SPECIFICITY OF THE WORKS BY YU. K. OLESHA
“NOT A DAY WITHOUT A LINE” AND “THE BOOK OF FAREWELL”**

Baimieva Vera Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
vera.baimieva@mail.ru

The article examines the works by Yu. K. Olesha “Not a day without a line” and “The Book of Farewell”, which are extremely distinctive in its genre nature. The peculiarity of these books is in the fact that they represent not a diary genre in its classical kind, but some of its transformation. The author of the article substantiates that Yu. K. Olesha created peculiar literary works, he wrote not just a diary with the fixation of happening events, but created some integral text, based on plausible diary records, in which there are memoirs about himself, thoughts about contemporaneity and creative work of writers of different epochs.

Key words and phrases: literary work; the genre of the diary; chapter; theme; memoir literature.

УДК 82.09(470.6)

Филологические науки

Статья представляет собой попытку определения степени однородности и единства северокавказского литературного региона на начальных этапах формирования советских национальных поэтических школ. По мнению автора, основные черты сходства поэтических представлений горских народов закладывались уже в советский период, так как общность этнических национальных традиций словесного творчества локализована на очень удаленных от нас временных и эволюционных горизонтах и проявляется в самых общих архетипических чертах. Исследователь приводит и анализирует примеры обогащения новационными универсальными традиционными мотивов и символики и доказывает, что сам процесс их формирования обусловлен идеологическим давлением на эстетическое сознание народов региона и естественной реакцией последних на унификационное воздействие.

Ключевые слова и фразы: фольклорный архетип; прототип; жанр; историко-героическая песня; этническое сознание; поэтическая традиция; идеологическая семантика; культурное единство; эстетический контроль.

Бауаев Казим Каллетович, к. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
kazim_bauaev@mail.ru

ГЕНЕЗИС ОБЩНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЛИТЕРАТУР: ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА[©]

Использование фольклорных архетипов привело к появлению целого жанра в советской авторской поэзии региона. Не решаясь на анализ формальных и структурных сходжений между героическими, историко-героическими песнями устной традиции и песнями о героях революции и гражданской войны, получившими широкое распространение в 20-30-х гг. прошлого века, мы всё же отметим, что в основе представления этих героев лежит наиболее древний и часто лишь слегка модифицированный северокавказский архетип мужчины-воина, мужчины-лидера.

Его близость фольклорному прототипу в большинстве случаев нарушается только антуражными вставками, уточняющими время, место происходящего, в исключительных случаях – облик героя, обстоятельства его конкретного действия и статус – в точном соответствии с последовательностью, точнее, направлением развития канонических фольклорных историко-героических жанров: «...при переходе от архаических форм эпоса к классическим резко возрастает зависимость сюжета произведения от подлинных исторических событий, которые легли в основу... при создании эпической песни» [7, с. 197].

Наблюдаемая разница лишь в том, что фольклорные тексты по ходу своей эволюции «привязываются» к реальной конкретике, а идеологические авторские дубликаты историко-героических песен соотносятся с ожиданиями читателя и поэтому нуждаются в социальной или «политической» детализации. Последнее очень часто даётся в форме позиционирования персонажа, его постановкой в ряду заведомо определенных и масштабных величин, например, известных государственных деятелей: «Был он товарищем Кирову... // ...Солтанхамит вел разговоры // Сидя с Кировым... // Киров сначала накрыл его тело // Буркой, // А потом положил в золотой гроб // Тело богатыря...» [6, с. 42] или «...В чёрной бурке статный всадник // За собой ведёт полки... // ...То Сергей Мироныч Киров // За собой полки ведёт... // ...Сам Ильич – товарищ Ленин // На Кавказ его прислал» [14, с. 221].

И, кстати, эта особенность, ставшая новационным добавлением к традиционной презентации героя, также может считаться признаком советской поэтической традиции, так как в фольклорных текстах она отсутствовала. Еще одно постоянное качество революционных суррогатов историко-героических песен – частые упоминания эндемичных этнических образов, иногда – прямая номинация своей национальной принадлежности: «...Ленина слово для горца // Было лучами солнца... // Мужи Кабарды восстали...» [8, с. 131], или «...Мы, кабардинцы его полюбили, // С ним защищал своё счастье Кавказ... // ...Правда Серго и поныне – живая...» [13, с. 146] – это также черта фольклорного происхождения: «на позднем этапе своего развития героический эпос как литературный жанр все больше воспринимался как определенное целое не только с жанровой точки зрения, но и тематической: в литературном сознании эпохи он существовал как разветвленное и сложно организованное повествование о некоем замкнутом социуме» [7, с. 23]. В условиях назойливой нивелировки и стирания черт этничности устремленности авторов к осознанному маркированию собственной принадлежности приобрела вид авторской самоидентификации, что, в принципе, говорило о сопротивляемости этнического сознания, об осознании национальной общности и солидаризации народа.

Но в целом, еще раз отметим, что в части «гражданской» семантики текстов, обусловленной идеологическим посылом, произведения не только северокавказских, но всех «советских» авторов, создававших свои стихи в довоенные десятилетия, несут печать удивительного единообразия, обеспечивавшегося культурной политикой страны Советов.

Мы говорим о жесткости идеологического и эстетического контроля над художественным сознанием и художественными стандартами молодых национальных литератур. С точки зрения незаинтересованных и свободных в своих суждениях наблюдателей, с 1917 г. давление государства на культуру народов РСФСР с годами только усиливалось: «Убийство себя Есениным и обрушение Лефа, созданного Маяковским, которые имели место... в 1925 году, говорили об углублении пространства между новой властью и теми творческими людьми, которые сначала приняли революцию. Смерть (самоубийство) Маяковского, запрет на частное издание книг дали полное представление о картине уничтожения настоящей русской культуры к 1930-му году» [16, р. 522].

Мнение Дж. Биллингтона может оспариваться, но временной дефицит и угроза уничтожения Советской власти, действительно сыграли определенную положительную роль в сохранении традиций русской дореволюционной поэзии после 1917 г., помешали большевикам в полной мере воплотить в жизнь ленинские идеи, реализация которых превратила бы литературу в часть пропагандистских механизмов партии [5, с. 100-101]. Логично предполагать, что западный культуролог, если и слишком категоричен в своих определениях, то, все же, не столь далёк от истины, как это преподносилось его критиками в СССР.

Представление о мощи идеологической агрессии государства, о границах его вторжения в процессы творческого созидания можно получить хотя бы из того обстоятельства, что вся конструкция советского литературоведения, эстетики, мировоззрения была *чудовищно* инертна, ориентирована лишь на категории партийности и политического утилитаризма. Косность и тяжеловесность понятийного и аксиологического аппаратов советской гуманитарной мысли были таковы, что даже явные аргументационные провалы и логические сбивы, попавшие в оборот литературоведения, сохранялись в качестве своеобразных «общих мест», по всей видимости, освященных практикой их долгого употребления.

Так, действительно слабый, натужный сентиментально-идеологический роман И. Шухова «Родина» [15], вскоре после его выхода в свет анализируется в 1937 г. с позиций классового партийного подхода. И, обвиняя автора в увлечении «эротикой» и «арцыбашевщиной», Е. Усиевич совершенно не стесняется в выборе определений и эпитетов: «...увлечение И. Шухова “властными телами”, “шалыми страстями” и прочей дребеденью совершенно отвлекло его от настоящей, живой действительности» [12, с. 8]. Однако под последней критик понимает лишь картины социалистического строительства и схватки с контрреволюцией, и его частые сетования по поводу повествования сводятся к выявлению недостатков воплощения образа коммуниста-борца.

Заметим, кстати, что по выражению Л. Я. Гинзбург «Эротика стала существеннейшим стержнем литературы, прежде всего как тема неблагоприятная» [2, с. 13], и была в 20-30-е гг. прошлого века одной из немногих литературных ниш, не оккупированных канонами партийного подхода. Особый статус эротической тематики и мотивов, в свою очередь, были обеспечены трактовками гендерных проблем, свойственными некоторым большевикам, а особенно – большевичкам.

Но суть нападок на роман Шухова не в этом. Сама постановка вопроса – «эротика», мешающая классовости, алогичность подобного сопоставления, попытка совмещения двух разноплановых подходов – стала вполне легитимным аналитическим приемом на долгие десятилетия. Так, выводя некоторые черты поэтики Р. Рождественского к опыту В. Маяковского В. В. Тимофеева указывает на прямые аллюзии, поэтическую интертекстуальность произведений 1960-х гг., идентифицируя их как составляющие современного «стиля» [10, с. 115-120], и, одновременно, делает совершенно неожиданные заявления относительно стихов В. Вознесенского: «...в отступлении... раздробленность внутреннего мира поэта приобретает характер своеобразной поэтической декларации... Более полувека тому назад М. Горький резко критиковал раздробленность мироощущения, свойственную литераторам-декадентам. Стоит ли советскому поэту, современнику мощного прорыва в космос, возрождать подобные представления о мире и человеке?» [Там же, с. 123]. Исследовательница, однозначно различающая сквозные «скрепы» русской поэтической традиции в её советских образцах, считает, тем не менее, что идеологический каркас поэтического выражения является, безусловно, определяющей чертой эстетической рефлексии и в этом аспекте её совершенно не смущает полная функциональная независимость литературного переживания субъекта и «мощного прорыва в космос».

Большевизм как система взглядов на мир и оценок его составляющих оказался чрезвычайно жестким и устойчивым феноменом. Даже тогда, когда крах коммунизма и социалистических моделей витальности стали жизненным фактом, идеи Ленина вновь и вновь реанимировали, пытаясь, так или иначе, приспособить к обрушающемуся на глазах сообществу так называемых союзнических, а на деле – сателлитных государств. Еще в конце 1980-х гг. политологами «социалистического лагеря» высказывались мысли о верности принципов национальной политики, сформулированных в трудах Ленина; трагические для народов события периода коммунистического правления, продолжавшегося в СССР семьдесят с лишним лет, а в странах Восточной Европы – чуть более сорока, объявлялись издержками «прежних практик» [9, с. 182].

Неудивительно, что идеологически значимая семантика поэтических текстов, их образность, символика, схемы лирического переживания были унифицированы и, так сказать, сведены «к общему знаменателю». В рамках новой советской традиции взращивались целые культурные регионы, ландшафт и этико-эстетические воззрения народов которых обладали чертами сходства. Сегодня, например, мы можем наблюдать феномен культурного единства Северного Кавказа. Причины культурной и мировоззренческой консолидированности горских народов видятся в схожести их этнических рекреационных практик, витальной нормативности и даже рецепционных моделей восприятия и формализации окружающего. Некоторые авторы прямо констатируют «наличие экзистенциальных опорных точек и стабильных жизненных ориентиров» в мироощущении – речь ведется о таких базовых гносеологических категориях, как пространство и время – кавказских этносов в целом [1, с. 103-104].

Однако сравнение, допустим, Дагестанского поэтического ареала и западнокавказского позволяет понять, что дело не в природном сходстве горских народов, тем более – не в тождестве и похожести их эстетических воззрений и поэтических школ. Несомненное влияние восточной поэтической традиции на поэтов Дагестана можно принять как факт, большинством народов этого региона арузные нормы использовались, наряду с фольклорными, сотни лет. Ни адыги, ни балкарцы с карачаевцами, тем более – осетины подобного воздействия не знали, что и отразилось в векторальности поэтического развития этих этносов – «на запад от границ Дагестана» [11, с. 41]. Пронизанность дагестанской традиции тюркской и арабской составляющими была настолько очевидна и неоспорима, что даже в отношении Сулеймана Стальского, чье творчество, благодаря М. Горькому [3, с. 729], было возведено в ранг образцово-показательного примера перехода народного певца-ашуга от стихийного возмущения социальным неравенством к авторскому и вполне «партийному» творчеству, она не могла остаться незамеченной.

Но все эстетические коннотации подобного рода советскими исследователями сводились к ленинской схеме тождества классовых ожиданий и потребностей: «История создания произведений Сулеймана Стальского изучена еще недостаточно. Но нельзя не отметить, что некоторые из них имеют близкие творческие соответствия в поэзии народов Средней Азии, в том числе, в письменной литературе... Эти соответствия и “переклички” подчёркивают широкое общественное значение вопросов, поднимавшихся Сулейманом Стальским... То были проблемы, отражавшие лучшие стремления крестьян и рабочих отходников...» [4, с. 120].

Замечание насчёт «творческих соответствий» поэзии С. Стальского с творениями авторов Средней Азии, якобы отражавших проблемы иллюзорных «рабочих-отходников» раскрывает перед нами суть комплексного воздействия на национальные литературы со стороны государства. Автору вышеприведенной цитаты нет дела до того, что отходничество как социальная норма формируется в крестьянской среде в условиях малоземелья. Оно было в высшей степени свойственно горцам Кавказа – по понятным причинам. По таким же причинам его не могло быть у казахов, киргизов, туркмен, узбеков – даже последние, обладая высокой агрокультурой, не страдали от малоземелья. Что же касается первых трех перечисленных народов, – экстенсивное животноводство и отходничество совместимы лишь в воспаленных умах «социалистических» литературоведов.

Но выявление сходства на классовой основе было тем обязательным требованием, в основе которого лежали проблемы соционинженеринга и общественного менеджмента. Упрощение контролируемой среды было не только виртуальным средством повышения уровня этого контроля, но и реальным механизмом трансформации общества. С этой точки зрения государство действительно шло по пути создания «новой исторической общности», попутно нивелируя разными средствами – от примитивного силового давления, до достаточно тонкого манипулирования понятийно-категориальным инструментарием коллективного сознания народов.

Народы Кавказа никогда не обладали той степенью культурного родства, которая позволяла бы говорить о них как о едином целом. Они разбросаны на весьма протяженной шкале культурно-эволюционных состояний, на одном конце которой тысячелетняя авторская литературная традиция, выстроенная в поле воздействия арабского, древнетюркского и исламского мира, а на другой – опыт пребывания в бесконечно сменяющихся государствах, отягощенный контактами с христианством, манихейством, тенгрианством, буддизмом, язычеством и шаманизмом – и всё это на фоне изначального отсутствия или утери письменности при богатейшей устной традиции, включавшей в себя полную фольклорную парадигму от мифа до любовной лирики.

И культурное единство народов Кавказа изначально было более мифом, нежели реальностью – оправданием усредненного управленческого метода, применявшегося в регионе, тезисом, основывающемся на показателях презентативной культуры, общности одежды, быта и рекреативных практик. Учёт последних мог бы поставить в ряд кавказских народов горцев с любой точки планеты.

Однако воздействие идеологической догматики СССР, её практическое применение в духовной области привело к действительному зарождению и развитию единой культурной традиции северокавказских народов. Она существует не только в умах сторонних наблюдателей – например, определяющего всё хореографическое богатство десятков народов одним термином «лезгинка» – но и в реальных чертах эстетического мышления горцев.

В литературе народов Северного Кавказа советская литературная традиция формировалась и проходила становление практически одновременно с русской советской, ей были свойственны те же стадийные черты – от дихотомической оппозиции новой и старой поэтических школ до наличия авторов-посредников и последовательных трансформаций автохтонных и эндемичных универсалий «социалистического» происхождения. Именно в рамках этой, появившейся после 1917 г. традиции, набора эстетических стандартов, устойчивой образности, и наблюдается «общность» народов региона. Все это вновь позволяет поставить вопрос о критериях и дефинициях «новописьменности» в применении к горским этносам – ибо «количественная» разница в совокупности элементов любой системы может считаться перешедшей в качественную лишь при наблюдений разницы в этапах её изменений.

Список литературы

1. **Башиева С. К., Геляева А. И., Кучукова З. А.** Смыслы и образы времени и пространства в системе этнической идентичности // Философские науки. Спецвыпуск. 2011. № 1. С. 87-107.
2. **Гинзбург Л. Я.** Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. 607 с.
3. **Горький М.** О литературе. Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1953. 868 с.
4. **Климович Л. И.** Наследство и современность. М.: Советский писатель, 1975. 416 с.
5. **Ленин В. И.** Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 12. С. 99-105.
6. **Мечиев К. Б.** Песня Солтанхамита // Мечиев К. Б. Стихи и поэмы (на балкарском языке). Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 41-44.
7. **Михайлов А. Д.** Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995. 360 с.
8. **Пачев Б. М.** Ленина сила – морю подобна // Антология кабардинской поэзии. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 130-132.
9. **Табайди Ч., Холопов Б.** Этнический ренессанс... Правомерен ли термин? // Дружба народов. 1989. № 2. С. 179-189.
10. **Тимофеева В. В.** Стиль поэта и эпоха (к дискуссиям о современном стиле) // Время. Пафос. Стиль. М. – Л.: Наука, 1965. С. 110-127.
11. **Толгуров Т. З.** Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1999. 128 с.
12. **Усиевич Е.** Родина (роман И. Шухова) // Литературное обозрение. М.: Гослитиздат, 1937. № 3. С. 7-9.
13. **Хавпачев А. А.** Песня о Серго // Антология кабардинской поэзии. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 144-148.
14. **Шомахов А. К.** Киров на Кавказе // Антология кабардинской поэзии. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957.
15. **Шухов И. П.** Родина. М.: ГИХЛ, 1936. 164 с.
16. **Billington J.** The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N. Y.: A. Knopf, 1967.

THE GENESIS OF COMMUNITY OF NORTH CAUCASUS LITERATURES: IDEOLOGY AND CULTURE

Bauaev Kazim Kalletovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
kazim_bauaev@mail.ru

In the article the attempt to identify the degree of homogeneity and unity of the North Caucasus literary region at the initial stages of the formation of the Soviet national poetic schools is made. The author thinks that the main similarities of the poetic representations of the mountain peoples were already established in the Soviet period, as the community of ethnic national traditions of verbal creativity is localized on very remote from us time and evolution horizons and is manifested in the most common archetypal features. The researcher gives and analyzes the examples of enrichment by innovative universals of traditional motives and symbolics, and proves that the process of their formation is conditioned by the ideological pressure on the aesthetic consciousness of the peoples of the region and by the natural reaction of the latter on unification impact.

Key words and phrases: folklore archetype; prototype; genre; historical and heroic song; ethnic consciousness; poetic tradition; ideological semantics; cultural unity; aesthetic control.